

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

ОТЧЁТ О РАБОТЕ ПРАВЛЕНИЯ ВО ЖНПР ЗА ПЕРИОД С АПРЕЛЯ 2013-ГО ПО МАРТ 2014 Г.

Извлечение

Уважаемые делегаты и приглашённые на конференцию!

Исполняется 76 лет кровавому периоду Большого террора 1937-1938 гг., когда по планам «отца народов» Сталина за короткое время в СССР чекистами было безвинно уничтожено более 700 тысяч человек – ни одна страна в мире не уничтожила за год такое количество своих граждан. Было отправлено в концлагеря 800 тысяч деятелей науки и культуры, инженеров, священнослужителей, рабочих и крестьян.

В Вятскую региональную общественную организацию жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР) входит 26 районных отделений с численностью по личным заявлениям – 752 чел., в т.ч. в городе Кирове – 284 чел.

Организация представляет интересы жертв политических репрессий Кировской области, из 2 тысяч которых одна половина – региональные льготники, вторая – инвалиды, пользующиеся льготами на федеральном уровне.

За минувший год, после конференции 17.04.2013, членами Правления нашей организации была проделана следующая работа:

– 30 октября 2013 г. в День Памяти жертв политических репрессий были проведены митинг на Мемориальном комплексе Мезринского кладбища с численностью более 200 чел., и поминальный обед на 180 репрессированных в столовой администрации г. Кирова. Организация Дня Памяти была отмечена положительно многими его участниками.

– В июне 2013 г. был разработан сайт с адресом vozhnpr-kirov.ru, на сайте по разделам размещена различная тематическая информация по репрессиям, также новости и номера выпускаемой газеты «Память о ГУЛАГе на Вятке». Сайт позволяет через интернет распространять информацию по деятельности ВО ЖНПР не только в России, но и во всех уголках мира. Для сайта не существуют границ между странами.

– Продолжается выпуск газеты «Память о ГУЛАГе на Вятке». Было выпущено шесть номеров газет с 12-го по 17-й. По имеющейся информации, наша организация единственная из региональных организаций жертв репрессий в России, которая выпускает свою тематическую газету. Газета распространяется не только по Кировской области, но и далеко за её пределами. Газета передаётся также и правозащитным организациям России. Содержание газет и их статей размещается на вышеуказанном сайте.

– По просьбе Московского историко-литературного общества было распространено по Кировской области 300 книг по репрессиям, значительное количество их попало в би-

блиотеки г. Кирова и районов области. Постоянно пополняя количество книг, ВО ЖНПР с апреля т.г. создала в своём офисе тематическую библиотеку по репрессиям и открыла её для читателей в каждый вторник с 10 до 14 часов.

– В 2013 г., как и ранее, наша организация принимала участие в демонстрации 9 Мая в г. Кирове. По центральной – Театральной площади г. Кирова члены ВО ЖНПР и сочувствующие им лица, шли организованно, как и ранее отдельной колонной с транспарантом «Жертвы сталинских репрессий», отражая результаты работы палача Сталина. ВО ЖНПР – единственная организация среди всех организаций жертв репрессий в России, которая принимает участие в демонстрации 9 Мая отдельной колонной.

– В офисе ВО ЖНПР продолжалась пополняться музейная экспозиция, каждый вторник с 10 час. до 14 час. осуществлялся приём репрессированных по различным вопросам, помещение содержалось в хорошем состоянии. Своевременно отчитывались за результаты своей деятельности перед государственными органами, вносились платежи за коммунальные услуги. Организывались встречи репрессированных. Принимались меры по поддержанию в хорошем состоянии памятников на Мезринском кладбище и набережной Грина.

– Проводились коллективные посещения различных спектаклей в драмтеатре, концертов в областной филармонии, в ОДНТ, во Дворце культуры «Космос», организовывались встречи реабилитированных в памятные дни, а также в школах г. Кирова.

– Систематически корректировался список членов организации, который в ноябре 2012 г. был переведён на электронные носители, что позволило в дальнейшем при различных запросах оперативно представлять любые справки по составу организации.

– Поддерживалась телефонная связь с репрессированными в В. Камском (в п. Лесном, Рудничном, г. Кирсе), Зуевском, Омутнинском, Мурашинском, Лузском, Орловском, Кумёнском (в п. Кумёны, Речном),

Белохолуницком, Вятскополяном, К.-Чепецком, Нагорском, Нолинском, Уржумском, Оричевском, Котельничском, Малмыжском, Советском районах.

В настоящее время проведена большая работа по подготовке проводимой конференции.

– Вся работа всех членов Правления, как и ранее, проводится бесплатно – в память родителей, замученных злодейским режимом, имеется много активистов. Все они заслуживают самой высокой признательности.

– Продолжалась работа по восстановлению прав реабилитированных на часть ранее предоставляемых льгот, которые с 01.01.2005 в нарушение законодательства России незаконно были ликвидированы в Кировской области. Информация о положении дел в восстановлении прав на льготы подробно представлялась в 12-м, 14-17-х номерах нашей газеты «Память о ГУЛАГе на Вятке». Анализ безрезультативной девятилетней переписки в России многих организаций жертв политических репрессий, в т.ч. ВО ЖНПР, а также репрессированных с огромным количеством государственных органов, включая Президента РФ, прокуратуру и суды, позволяет сделать однозначный вывод. Властью России с 01.01.2005 была проведена целенаправленная акция по ущемлению прав «врагов народа» и их детей. После чего к репрессированным властью был применён «джентльменский набор» – глухота, слепота и двойные стандарты. Чести и славы инициаторам и проводникам этой акции не прибавилось. Причину проявления такого отношения к реабилитированным можно объяснить только вхождением в состав существующей власти сталинистов и чекистов – лиц одного поля «ягоды». Исправлять содеянное зло власть не желает. Технология ответов на обращения репрессированных – обычная спихотехника на исполнительные органы с sacramентальной фразой: **для рассмотрения по принадлежности**. Дело дошло даже до того, что жалоба, направленная заказным письмом в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), «затерялась» на границе

Пепел Клааса стучит в моё сердце
«Тиль Уленшпигель»

России. Средний возраст жертв политических репрессий 80 лет, так что недолго осталось власти писать отписки и **не надо мочить никого в сортире**. За девять лет обмана репрессированные так и не поняли, за что же их дополнительно наказала уже новая «демократическая власть».

Мириться, т.е. соглашаться с установившейся ложью нельзя – необходимо, чтобы о лишении прав на льготы реабилитированных узнала не только общественность страны, но и мировое сообщество.

В своей деятельности ВО ЖНПР тесно сотрудничает со многими региональными организациями жертв репрессий в России, а также ведущими организациями и структурами по защите прав человека. С такими, как аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ, комиссия при Президенте РФ по восстановлению прав реабилитированных, совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, международное общество «Мемориал», Московская Хельсинкская группа, фонд А.И. Солженицына, Московское историко-литературное общество «Возвращение».

В 2007 г. на основании многократных обращений ВО ЖНПР было принято правительством Шаклеина решение о финансировании нескольких мероприятий для репрессированных – это продуктовые наборы к ежегодным отчётным конференциям, оказание материальной помощи больным, поминальный обед в День памяти 30 октября. Невозможно остановиться на том, что правительство Белых через департамент социального развития КО - рук. К.С. Лебедев сняло на 2014 г. финансирование мероприятий. Система деятельности Белых отработана: говорим одно – делаем другое. Мало того, что правительство Белых в течение своей деятельности поддерживало обман репрессированных по льготам, лгало, вводило в заблуждение, **не садилось за так называемый стол переговоров**, но ещё дополнительно репрессировало.

В отношении **Белых** можно твёрдо заявить: **внешность обманчива, тактике в разведку не берут, таким при встрече руки не подают**. Этого не могут лица, только самые наивные и не желающие вникать в суть дела. **Такой губернатор нам не нужен!**

На фоне такой «деятельности» **Белых** организация ВО ЖНПР благодарит за оказание помощи депутатов ГД ФС РФ В.С. Тимченко, О.Д. Валенчука, главу г. Кирова В.В. Быкова, депутатов ЗС КО С.С. Гущина, Л.С. Солодилова, ректоров ВятГУ В.Н. Пугача, ВятГГУ В.Т. Юнгблода, ВГСА В.Г. Мохнаткина.

Отчёт утверждён решением конференции ВО ЖНПР 18.04. 2014, Киров единогласно.

«Эта женщина больна, эта женщина одна, муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне». Эти строки поэмы Анны Ахматовой «Реквием» заключают в себе боль ожидания в очередях к сталинским острогам, боль, испытанную самой Анной Андреевной.

Сама поэтесса не подвергалась репрессиям. Впрочем, жизнь ее не стала от этого менее трагичной. Она пережила почти всех поэтов Серебряного века, особенно не эмигрировавших за границу. Первого ее мужа расстреляли, второй сгинул в лагерях, а единственный сын провел в них более 10 лет.

Анна, дворянка по происхождению, родилась в одном из культурных центров Российской империи – в Одессе. Примечательно, что среди предков Ахматовой была и первая русская поэтесса Анна Бунина. Настоящая фамилия Анны Андреевны – Горенко. Отец запрещал подписывать стихи настоящей фамилией. Псевдоним Ахматова был выбран не случайно – это девичья фамилия прабабушки поэтессы. Бытует мнение, что Анна Андреевна считала своим предком по материнской линии ордынского хана Ахмата, и его имя также могло послужить основой для псевдонима.

Когда маленькой Анне исполнился год, семья переехала в Царское Село. Там будущая поэтесса стала ученицей Мариинской гимназии, но каждое лето проводила под Севастополем. В 1905 году родители Ахматовой развелись, и она переехала в Евпаторию вместе с матерью.

25 апреля 1910 года состоялось венчание Анны Андреевны и поэта Николая Гумилёва. Познакомились супруги в рождественский сочельник 1903 года. Тогда Анна была стройной 14-летней девушкой с огромными серыми глазами, резко выделявшимися на фарфорово-белом лице. Юный же Гумилёв в ту пору во всем старался подражать своему кумиру Оскару Уайльду: носил цилиндр, слегка завивал волосы и даже слегка подкрашивал губы. Для завершения образа трагического, надломленного персонажа не хватало одной существенной детали – страсти, безответной или запретной любви. 17-летний Николай решил для себя, что эта девочка с необычной внешностью отныне и до века станет его музой и единственной женщиной, ради которой он будет писать стихи и совершать подвиги.

Даже несмотря на холодное отношение со стороны предмета обожания, Николай с азартом ринулся завоевывать ее сердце. Однако на брак Анна согласилась далеко не с первого раза. Помолвке предшествовало несколько отказов. Терзаемый безответными чувствами, Гумилёв уезжал в Париж на долгие месяцы и возвращался с целью добиться руки избранницы. Несколько раз он даже пытался покончить с собой, но каждый раз безуспешно, и воспринимал это как знак свыше. То ли Анна была тронута необычной крепкой преданностью, то ли рассказы о попытках суицида окончательно сбили ее с толку, но согласие стать женой поэта все-таки дала.

Никто из родственников жениха не явился на венчание. Считали, что брак полярных по характеру Анны и Николая не будет долгим. У Анны была собственная «жизнь сердца», в которой мужу отводилась очень скромная роль, да и Гумилёву было сложно сложить воедино легкий образ прекрасной дамы с ипостасью жены и

ЦАРСТВЕННОЕ СЛОВО ИЗМУЧЕННОЙ

Николай Гумилёв, Лев Гумилёв, Анна Ахматова

матери. Поэтому уже через два года он заводит роман на стороне. Анне приходилось несладко. Она привыкла быть богиней для мужа, ей тяжело было осознавать, что он способен испытывать те же чувства к другой женщине. Ахматова решает на отчаянный шаг – рождает Гумилёву сына Льва. Рождение ребенка Николай воспринял неоднозначно и «демонстрации независимости» не прекратил. Впоследствии Анна Андреевна скажет: «Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым».

Ахматова, надо сказать, тоже не была примерной супругой. В 1914 году Гумилёв уезжает на фронт, и в то же время начинается роман Анны и Бориса Антрепа, которому посвящено большинство стихов из сборника «Белая стая». Только эмиграция Антрепа становится причиной их разрыва. Гумилёв, вернувшись домой, узнает от жены, что она любит другого человека и не желает больше продолжать семейную жизнь во лжи и непонимании. Такой поворот событий стал ударом для поэта. Оказалось, что он до сих пор любил ту самую девочку Анечку Горенко, которую встретил в канун Рождества много лет назад. Ахматова была непреклонна, и за долгими терзаниями последовал неминуемый разрыв.

Вторым мужем Анны Ахматовой стал ассиролог и поэт Владимир Шилейко. То, что Ахматова выйдет за этого некрасивого, неприспособленного к жизни, безумно ревнивого мужчину, стало полной неожиданностью для всех, кто ее знал. Как позднее сказала Ахматова, ее привлекла возможность быть полезной великому человеку и то, что у них не будет творческого соперничества, которое было с Гумилёвым. Шилейко буквально держал Анну под замком и не разрешал ей никуда выходить, заставлял сжигать непрочитанными все адресованные ей письма. В период брака с Шилейко она забросила свое главное занятие и практически ничего не писала, так как муж этого не одобрял. Вместо этого Анна Андреевна часами под диктовку записывала переводы ассирийских текстов, готовила, штопала, колола дрова.

Помог ей давний друг Артур Лурье, с которым она подружилась в 1914 го-

ду. С его легкой руки Шилейко положили в больницу для лечения ишиаса и продержали там целый месяц. За это время Анна поступила на службу в библиотеку агрономического института – там давали дрова и казенную квартиру. Когда Шилейко выпустили из больницы, ему пришлось переехать в данную институтом квартиру. Там хозяйкой была уже сама Анна и незадачливый супруг поутих. Летом 1921 года они окончательно расстались. Тогда обнаружилось одно забавное обстоятельство: когда Ахматова переселилась к Шилейко, он сам пообещал оформить их брак – благо тогда нужно было только сделать запись в домовых книгах. А когда они разошлись, Лурье по просьбе Ахматовой пошел в домком, чтобы аннулировать запись, и выяснилось, что ее никогда не было.

В августе 1921 года умер Александр Блок. На его похоронах Ахматова узнала страшную весть – по так называемому Таганцевскому делу арестован Гумилёв. Через две недели его расстреляли. Его виной было лишь то, что он знал о готовящемся заговоре, но не донес.

В том же августе в Греции покончил с собой брат Анны – Андрей Горенко.

Впечатления от этих смертей вылились у Ахматовой в сборник стихотворений «Подорожник», который затем, дополненный, стал называться «Anno Domini MCMXXI».

После этого сборника Ахматова не выпускала ничего долгие годы, только отдельные стихотворения. Новый режим не жаловал ее творчество за интимность, аполитичность и «дворянские корни». Даже мнение Александры Коллонтай – в одной из своих статей она сказала, что поэзия Ахматовой привлекательна для молодых рабочих тем, что правдиво изображает, как плохо мужчина обращается с женщиной – не спасло Ахматову от критической травли. Череда статей клеймила поэзию Ахматовой как вредную, поскольку она ничего не пишет о труде, коллективе и борьбе за светлое будущее.

В это время она осталась практически одна – все ее друзья или погибли, или эмигрировали. Сама же Ахматова эмиграцию считала совершенно для себя неприемлемой.

Печататься становилось все труднее и труднее. В 1925 году на ее имя

был наложен неофициальный запрет. Ее не печатали 15 лет.

Ранней весной 1925 года Ахматовой опять обострение туберкулеза. Когда она лежала в санатории в Царском Селе вместе с женой Мандельштама Надеждой Яковлевной, ее постоянно навещал Николай Николаевич Пунин, историк и искусствовед. Примерно через год Ахматова согласилась переехать к нему в Фонтанный дом.

Пунин был очень красив – все говорили, что он похож на молодого Тютчева. Он работал в Эрмитаже, занимался современной графикой. Ахматову очень любил – хотя и очень по-своему.

Официально Пунин оставался женат. Он жил в одной квартире со своей бывшей женой Анной Аренс и их дочерью Ириной. Хотя у Пунина и Ахматовой была отдельная комната, обедали все вместе, а когда Аренс уходила на службу, Ахматова присматривала за Ириной. Ситуация была крайне напряженной.

Не имея возможности печатать стихи, Ахматова углубилась в научную работу. Она занялась исследованием Пушкина, заинтересовалась архитектурой и историей Петербурга. Много помогала Пунину в его исследованиях, переводя ему французские, английские и итальянские научные труды.

Летом 1928 года к Ахматовой переехал ее сын Лева, которому к тому времени было уже 16 лет. Обстоятельства смерти его отца препятствовали продолжению его учебы. Его с трудом удалось пристроить в школу, где директором был брат Николая Пунина Александр. Потом Лева поступил на исторический факультет Ленинградского университета.

В 1930 году Ахматова попыталась уйти от Пунина, но тот сумел убедить ее остаться, угрожая самоубийством. Ахматова осталась жить в Фонтанном доме, лишь ненадолго покидая его.

К этому времени крайняя бедность быта и одежды Ахматовой уже так бросались в глаза, что не могли оставаться незамеченными. Многие находили в этом особую элегантность Ахматовой. В любую погоду она носила старую фетровую шляпу и легкое пальто. Лишь когда умерла одна из ее старых подруг, Ахматова облачилась в завещанную ей покойной старую шубу и не снимала ее до самой войны.

В 1934 году арестовали Осипа Мандельштама – Ахматова в этот момент была у него в гостях. А через год после убийства Кирова были арестованы Лев Гумилёв и Николай Пунин. Ахматова бросилась в Москву хлопотать, ей удалось передать в Кремль письмо. Вскоре тех освободили, но это было только начало.

Пунин стал явно тяготиться браком с Ахматовой, который теперь, как оказалось, был еще и опасен для него. Он всячески демонстрировал ей свою неверность, говорил, что ему с ней скучно – и все же не давал уйти. К тому же уходить было некуда – своего дома у Ахматовой не было...

В марте 1938 года был вновь арестован Лев Гумилёв и на сей раз он просидел семнадцать месяцев под следствием и был приговорен к смерти. Но в это время его судьи сами были репрессированы, и его приговор заменили на ссылку.

В ноябре этого же года Ахматовой наконец удалось порвать с Пуниным

– но Ахматова лишь переехала в другую комнату той же квартиры. Она жила в крайней нищете, обходясь часто лишь чаем и черным хлебом. Каждый день выстаивала бесконечные очереди, чтобы передать сыну передачу. Именно тогда, в очереди, она начала писать цикл «Реквием». Стихи цикла очень долго не записывались – они держались в памяти самой Ахматовой и нескольких ее ближайших друзей.

Первые наброски «Реквиема» относятся к 1934 году. Сначала Ахматова планировала создать лирический цикл, который через некоторое время был переименован в поэму. Наиболее плодотворно она работала над поэмой в 1938-1940 годах и вернулась к ней позже, в 1960-е годы. Ахматова сжигала рукописи «Реквиема» после того, как прочитывала людям, которым доверяла.

В 1960-е гг. «Реквием» начал распространяться в самиздате. В 1963 году один из списков поэмы попал за границу, где впервые был опубликован полностью (мюнхенское издание 1963 года).

В очерке известного прозаика Б.К. Зайцева, напечатанном в газете «Русская мысль», говорится: «На днях получил из Мюнхена книжечку стихотворений, 23 страницы, называется «Реквием»... Эти стихи Ахматовой – поэма, естественно. <...> Я-то видел Ахматову «царскосельской веселой грешницей» и «насмешницей», но Судьба поднесла ей оцет Распятая. Можно ль было предположить тогда, в этой Бродячей Собаке, что хрупкая эта и тоненькая женщина издаст такой вопль – женский, материнский, вопль не только о себе, но и обо всех страждущих – женах, матерях, невестах, вообще обо всех распинаемых? <...> Откуда взялась мужская сила стиха, простота его, гром слов будто и обычных, но гудящих колокольным похоронным звоном, разящих человеческое сердце и вызывающих восхищение художественное? Воистину «томов премногих тяжелей».

Полный текст «Реквиема» был опубликован лишь в 1987 году в журналах «Октябрь» №3 и «Нева» №6.

Совершенно неожиданно в 1940 году Ахматовой разрешили печататься. Сначала вышло несколько отдельных стихов, затем позволили выпустить целый сборник «Из шести книг», в который, правда, в основном вошли избранные стихи из предыдущих сборников. Тем не менее книга вызвала ажиотаж: ее смели с прилавков за несколько часов, за право ее прочесть люди дрались.

Однако уже через несколько месяцев издание книги сочли ошибкой, ее стали изымать из библиотек.

Когда началась война, Ахматова почувствовала новый прилив сил. В сентябре, во время тяжелейших бомбежек, она выступает по радио с обращением к женщинам Ленинграда. Вместе со всеми она дежурит на крышах, роет окопы вокруг города. В конце сентября ее по решению горкома партии самолетом эвакуируют из Ленинграда – по иронии судьбы, теперь ее признали достаточно важной персоной, чтобы спасти... Через Москву, Казань и Чистополь Ахматова оказалась в Ташкенте.

В Ташкенте она поселилась вместе с Надеждой Мандельштам, постоянно общалась с Лидией Корнеевны Чукской, подружилась с жившей неподалеку Фаиной Раневской – эту дружбу они пронесли через всю жизнь. Почти все ташкентские стихи были о Ленинграде – Ахматова очень вол-

новалась за свой город, за всех, кто остался там.

Особенно тяжело ей было без своего друга Владимира Георгиевича Гаршина. После расставания с Пуниным он стал играть большую роль в жизни Ахматовой. По профессии врач-патологоанатом, Гаршин очень заботился о ее здоровье (Анна болела туберкулезом), которым Ахматова, по его словам, преступно пренебрегала. Гаршин тоже был женат, его жена, тяжело больная женщина, требовала его постоянного внимания. Но он был очень интеллигентный, образованный, интереснейший собеседник, и Ахматова очень привязалась к нему. В Ташкенте она получила от Гаршина письмо о смерти его жены. В другом письме Гаршин попросил ее выйти за него замуж, и она приняла его предложение. Согласилась даже взять его фамилию.

В начале 1944 года Ахматова уехала из Ташкента. Сначала она приехала в Москву, где выступила на устроенном в зале Политехнического музея вечере. Прием был такой бурный, что она даже испугалась. При ее появлении зал встал. Говорят, когда Сталин узнал об этом, он спросил: «Кто организовал вставание?»

Всем знакомым она говорила, что едет в Ленинград к мужу, мечтала, как будет жить с ним... И тем страшнее был удар, который ждал ее там.

Встречавший ее на перроне Гаршин спросил: «И куда вас везти?» Ахматова онемела. Как выяснилось, он, не сказав никому ни слова, женился на медсестре. Гаршин разрушил все ее надежды на обретение дома, которого у нее давно не было. Этого она ему никогда не простила.

Впоследствии Ахматова говорила, что, по всей видимости, Гаршин сошел с ума от голода и ужасов блокады.

Умер Гаршин в 1956 году. В день его смерти брось, которую он когда-то подарил Ахматовой, раскололась пополам...

В этом была трагедия Ахматовой: рядом с ней, сильной женщиной, почти всегда оказывались слабые мужчины, пытавшиеся переложить на нее свои проблемы, и никогда не было человека, способного помочь ей справиться с ее собственными бедами...

После возвращения из Ташкента у нее изменилась манера поведения – стала более простой, спокойной и вместе с тем более отдаленной. Ахматова отказалась от своей знаменитой челки. Казалось, Ахматова возродилась из пепла для новой жизни. К тому же ее вновь признали власти. За свои патристические стихи она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Готовились к печати ее исследования о Пушкине, большая подборка стихов. В 1945 году к огромной радости Ахматовой вернулся Лев Гумилев. Из ссылки, которую он отбыл с 1939 года, ему удалось попасть на фронт. Мать с сыном зажили вместе.

Осенью 1945 года Ахматову познакомили с литературоведом Исайей Берлиным, в то время сотрудником британского посольства. Во время их разговора Берлин с ужасом услышал, как кто-то во дворе зовет его по имени. Как оказалось, это был Рэндальф Черчилль, сын Уинстона Черчилля, журналист. Момент был кошмарный и для Берлина, и для Ахматовой. Контакты с иностранцами – особенно сотрудниками посольств, – в то время, мягко говоря, не приветствовались. Личную встречу еще можно было бы не увидеть, но когда сын премьер-

министра орет во дворе, это вряд ли пройдет незамеченным. Тем не менее Берлин навестил Ахматову еще несколько раз.

Берлин был последним из тех, кто оставил след в сердце Ахматовой. Когда самого Берлина спрашивали о том, было ли у них что-то с Ахматовой, он говорил: «Я никак не решаю, как мне лучше отвечать...»

14 августа 1946 года вышло постановление ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Журналы клеймились за то, что они предоставляют свои страницы двум идеологически вредным писателям – Зощенко и Ахматовой. Меньше чем через месяц Ахматова была исключена из Союза писателей, лишена продовольственных карточек, ее книга, находившаяся в печати, была уничтожена.

По словам Ахматовой, многие писатели, захотевшие после войны вернуться в Россию, после постановления передумали. Таким образом, это постановление она считала началом холодной войны. В этом она была убеждена так же абсолютно, как в том, что сама холодная война была вызвана ее встречей с Исайей Берлиным, которую она находила роковой, имеющей космическое значение. Она была твердо убеждена, что все дальнейшие неприятности были вызваны именно ею.

В 1956 году, когда он снова был в России, она отказалась с ним встречаться – не хотела снова навлечь на себя гнев властей...

После постановления Ахматова оказалась в полной изоляции – с теми, кто не отвернулся от нее, она сама старалась не встречаться, чтобы не повредить. Тем не менее люди продолжали к ней приходить, приносить продукты, а по почте ей постоянно присылали продуктовые карточки. Критика ополчилась на нее – но для нее это было куда менее страшно, чем полное забвение. Любое событие она называла лишь новым фактом в своей биографии, а от биографии она отказываться не собиралась. В это время она всю работу над своим центральным произведением, «Поэмой без героя».

В 1949 году был снова арестован Николай Пунин, а затем и Лев Гумилев. Льву, единственное преступление которого было в том, что он был сыном своих родителей, предстояло провести семь лет в лагере, а Пунину суждено было там погибнуть.

В 1950 году Ахматова, ломая себя, во имя спасения сына написала цикл стихотворений «Слава миру», прославляющий Сталина. Однако Лев вернулся только в 1956 году – и то для его освобождения пришлось долго хлопотать... Из лагеря он вышел с убеждением, что мать ничего не делала для облегчения его участи – ведь ей, такой знаменитой, не смогли бы отказать! Пока они жили вместе, их отношения были очень натянутыми, потом, когда Лев стал жить отдельно, почти совсем прекратились. Лев стал известнейшим ученым-востоковедом. Историей Востока он увлекся, находясь в ссылке в тех краях. Его труды и сейчас считаются одними из важнейших в исторической науке. Ахматова очень гордилась сыном.

В 1954 году Ахматова совершенно случайно заработала себе прощение. Приехавшая из Оксфорда делегация пожелала встретиться с опальными Зощенко и Ахматовой. Ее спросили, что она думает о постановлении – и она, искренне полагая, что не дело иностранцев, не разбирающихся в истинном положении дел, задавать подобные вопросы, ответила просто, что

Анна Ахматова

согласна с постановлением. Больше ей вопросов не задавали. Зощенко же начал что-то пространно объяснять – и этим навредил себе еще больше.

Запрет с имени Ахматовой был снят. Ей даже выделили от Союза писателей – хотя Ахматову исключили из него, как переводчик она могла считаться «писательницей», – дачу в писательском поселке Комарово под Ленинградом; этот дом она называла Будкой. А в 1956 году во многом благодаря хлопотам Александра Фадеева был освобожден Лев Гумилев.

Последние десять лет жизни Ахматовой совершенно не походили на предыдущие годы. Ее сын был на свободе, она наконец получила возможность печататься. Она продолжала писать – и писала много, словно торопясь высказать все, что ей не давали сказать раньше. Теперь мешали только болезни: были серьезные проблемы с сердцем, из-за полноты ей было тяжело ходить. До последних лет Ахматова была царственна и величава, писала любовные стихи и предупреждала приходящих к ней молодых людей: «Только не надо в меня влюбляться! Мне это уже не нужно». Она была окружена молодыми – детьми ее старых друзей, поклонниками ее поэзии, учениками. Особенно она сдружилась с молодыми ленинградскими поэтами Евгением Рейном, Анатолием Найманом, Дмитрием Бобышевым, Глебом Горбовским и Иосифом Бродским.

Ахматова получила возможность выезжать за границу. В 1964 году ей была присуждена в Италии международная поэтическая премия «Этна-Таормина», а в 1965 г. за ее научные работы в области пушкиноведения Оксфордский университет присвоил ей почетную степень доктора литературы. В Лондоне и Париже, куда она заехала на обратном пути, смогла снова встретиться с друзьями своей молодости – Саломеей Гальперн, Юрием Анненковым, который когда-то рисовал ее, Исайей Берлиным, Борисом Анрепом... Она прощалась со своей молодостью, со своей жизнью.

Ахматова умерла 5 марта 1966 года – по иронии судьбы в годовщину смерти Сталина, которую любила отмечать. Перед отправкой в Ленинград ее тело доставили в московскую больницу, расположенную в здании старого Шереметевского дворца, на котором, как и на Фонтанном доме, был изображен герб с девизом, прозвучавшим в «Поэме без героя»: «Deus conservat omnia» – «Бог сохраняет все».

Продолжение. Начало в номере 17

Не менее трагичной оказалась судьба и представителей купечества, которые решили посвятить себя духовной жизни.

«...Миновав церковный двор и вернувшись на улицу Ленина (бывшая Троицкая), пронесясь мимо бывшей городской управы и бывшего городского училища, я на секунду задерживался возле углового большого дома, недавно ещё принадлежавшего богатым купцам Глушковым. Обыватели благоговейно рассказывали, как прислуга Глушковых, неся к столу кипящий самовар, завязывала кран тряпчочкой, чтобы не накапать на зеркально натёртый паркет», так вспоминал о Глушковых, известной в Котельниче купеческой семье, писатель Леонид Рахманов. Был среди этой купеческой династии человек Глушков Михаил Валентинович (20 октября 1894-22 сентября 1983 гг.), который решил посвятить себя совсем другому делу. Пожалуй, его судьба была самой трагичной из этого рода. Прошел Михаил Валентинович путь от гусара до священника. До революции он имел 3-ю часть наследства от бабушки купчихи А.И. Глушковой – 5 домов и пользовался процентами с капиталов. Окончил Вятское реальное училище в 1912 году и 2 курса технологического института в Харькове. Служил в старой армии корнетом 14-го Литовского гусарского полка. Появление бравого гусара в Котельниче не осталось незамеченным. Леонид Рахманов ещё помнил как «он приезжал в начале германской войны таким молодцом, с такой

Тернистый путь к храму

фигурой, выправкой, что им любовались не только мать и отчим; видно, недаром тратились на его экипировку и гусарский образ жизни». Тот же Миша Глушков любил им показывать забавный фокус – «отрывал» на своей руке большой палец», и все дружно смеялись.

Рахманов не забыл, как он привёз в конце войны «в дом невесту – студентку Московской консерватории, пианистку и певицу, красивую брюнетку с усиками», а потом куда-то исчез.

С 1918 года по декрету Ленина об освобождении студентов от военной службы Михаил Глушков уехал в Харьков, где продолжил образование, но не смог устроиться. Окончательно решил «отдалиться от всякой суеты и посвятить усталую свою душу духовной жизни».

Направился в Новый Афон на Кавказе. Доехал до села Лазаревка, где давал уроки детям начальника станции. 23 апреля 1919 года был арестован белыми, отказался идти на военную службу по духовным убеждениям, так как считал что «грех убивать брата своего». Со многими мытарствами приехал в Новый Афон, где был послушником на винограднике, работал на электрической станции до 1921 года. Затем, когда его взяли русские и были слухи о его уничтожении, уехал на родину в г. Котельнич к своей семье. Сначала вынужден был помогать

отчиму кормить семью и работать на арендованной им мельнице. После его смерти её опечатали. Пришлось продать наследный дом и идти торговать, чтобы кормить семью, старушку мать с братьями. Вернулся в Котельнич со склонностью к мистике, к христианским нотациям, которые он читал своим сводным братьям, стал соблюдать посты, приучил к этому свою жену, Вскоре у них появились две дочери Нина и Ава. Жена его давала уроки музыки. Позднее муж запретил ей это занятие.

Все эти годы он «до глубины души тяготился торговлей и мирской суетой». К тому времени братья и сёстры подросли, Михаил Глушков решил покончить с торговлей и пошёл по духовному пути. Об этом поступке в 1929 году с иронией писала пресса: «В начале нэпа Глушков преобразается, он становится торговцем, решил идти по стопам своего отца. Но благодаря неудачам он быстро меняет пиджак на ризу попа. Должность священника, видимо, более доходна, чем положение торговца». Мало кто понял порыв его души.

Сначала он устроился дьяконом в собор в г. Котельнич, который стоял через дорогу от его родительского дома. Вскоре был приглашён в Вятку священником в Воскресенский собор, который вскоре был властями закрыт. Планировалось использовать его

под культурные цели, но священник Глушков был против.

Духовенство собора встало на защиту идей бывшего патриарха Тихона и борьбы с духовенством и мирянами, вставшими на защиту постановлений церковного собора 1923 года «О признании справедливости социалистической революции и существующей Советской власти».

Они отказались признать эту декларацию.

«Поповская контрреволюция в Вятке», так называлась статья в газете «Вятская правда». Целая полоса была посвящена деятельности этой группы, которые в своей деятельности главными пунктами избрали бывший Вятский и Котельничский уездов. За время существования кружок побывал почти во всех церквях Котельничского и Вятского уезда. Когда был арестован и сослан на Соловки епископ Виктор, им ставили в вину, что они среди верующих развили «бешеную агитацию против существующего строя». Епископа Виктора они выставляли как «мученика» за веру православную и идеолога старого православия. В письмах, проповедях, в беседах они говорили, что «епископ Виктор свою правоту засвидетельствовал изгнанием».

Продолжение следует

СВЕТЛАНА ПАНЬКОВА, КРАЕВЕД
(КОТЕЛЬНИЧСКИЙ РАЙОН)

ФОТООТЧЕТ

Участие членов ВО ЖНПР в праздничном шествии 9 Мая

В городе Кирове у памятника жертвам политических репрессий на набережной Грина рядом с Феодоровской церковью

Смирнова Мария Аркадьевна, Шубин Виктор Васильевич, Пшеничный Владимир Владимирович, Кузнецов Юрий Георгиевич, Роговцева Нина Николаевна

Движение колонны ВО ЖНПР по улице Московской